

идеала, исходящего из общенародных, демократических воззрений писателя.

Эта разница в культурной основе, в языковом, а по существу разном эстетическом подходе к общему для них как классиков античному наследию и привела Сумарокова, Елагина и других его учеников к борьбе с Ломоносовым.

Один и тот же эстетический кодекс — кодекс классицизма — они воспринимали и толковали по-разному, по-своему: одни, говоря словами Ломоносова, «по бедности» своего «мелкого знания и скудного таланта», другие — и в первую очередь, конечно, сам Ломоносов, — с позиций людей, выросших на почве латинской образованности, широко раскрывшей перед ними сокровищницу античной поэзии, новолатинской литературы и современной, — опять-таки латинской, — науки.

Но этим не исчерпываются противоречия между классицизмом Ломоносова и классицизмом Сумарокова. И тот и другой были продуктом русской действительности, были так или иначе связаны с русской литературной традицией. Однако традиция эта тоже была не единая: и Тредиаковский, и Ломоносов неоднократно и с полным основанием упрекали Сумарокова в незнании «книг церковных». За этой будто бы религиозной формулой стояло на самом деле нечто более значительное — знание старорусской письменности, усвоение древнерусского литературного языка, его богатств в области абстрактных понятий, его многообразных и разнообразных стилистических возможностей.

И как ни отшучивался Сумароков в своих пародиях на Тредиаковского, прав был все-таки последний. И Ломоносов упрекал Сумарокова в отсутствии стилистического чутья, в неправильном смешении славянских стилистических элементов с русскими, в «неуместной славенчизне».⁶¹ Для Сумарокова старая русская литература не существовала, по крайней мере, до второй половины 60-х годов XVIII века, когда, сначала в свои приезды в Москву, а затем после окончательного переселения туда, он, благодаря директору государственного архива Г.-Ф. Миллеру, получил возможность знакомиться с русскими историческими документами, и то не ранее XVII века. Именно в результате этого знакомства и появились его труды по истории России, написанные им в последние десятилетия его жизни.

Для Ломоносова же старая русская литература была хорошо

⁶¹ В программе упомянутой выше незаконченной статьи «О нынешнем состоянии словесных наук в России» Ломоносов писал: «Не у места славенчизна. Дщерь» (там же, т. 7, стр. 581). Как разъяснил Г. А. Гуковский, опираясь на другие части той же программы, речь идет о начале трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Работа Г. А. Гуковского опубликована в сб. «Литературное творчество Ломоносова» (М—Л., 1962, стр. 69—100).